

ВВЕДЕНИЕ

Своеобразие науки грамматики

Грамматика и арифметика — первые науки, с которыми знакомится, обыкновенно в юном возрасте, современный человек. Именно они закладывают общее отношение человека к прочим наукам, заставляя, осознанно или неосознанно, сравнивать их с первыми образцами. Между тем нет, наверное, дисциплин, более различающихся по своему характеру, чем арифметика и грамматика. Наука о числах строится на ясном и прочном фундаменте разума, позволяющем всякому, однажды уяснившему себе ее правила, применять их неограниченное количество раз в любых обстоятельствах. Все положения арифметики являются всеобщими и необходимыми; раз узнав, что такое умножение и как оно производится, уже нет нужды знать, каков, к примеру, будет результат умножения 32 на 54, — его можно вычислить.

Иное дело — грамматика. Правила, вводимые грамматикой, апеллируют скорее к памяти, чем к разуму. Кроме того, эти правила полны так называемых исключений, которые также требуют механического запоминания. Подобие системы, которое представляет грамматика, полно разного рода двусмысленностей и недомолвок, предлагаемые ею определения едва ли соответствуют тем требованиям, которые предъявляются к подобным операциям, а вопрос об исходных началах грамматики как науки, как правила, и вовсе опускается.

Отмеченное раздвоение базового образования приводит к размыванию и основных представлений о характере научного знания. По-видимому, именно здесь берет начало получающее время от времени распространение нелепое мнение о специфике так называемых «гуманитарных наук», которые якобы не требуют ни строгости, ни

доказательности, но являют собой некое поле для самовыражения, вроде изящной словесности. Едва ли этот взгляд имеет под собой твердое основание: всякая наука, поскольку она является наукой, должна стремиться к тому, чтобы быть строгой и по возможности доказательной.

Если вернуться к исходному противопоставлению и попытаться привести элементарные науки к некоему общему виду, то очевидно, что скорее грамматика должна строиться по подобию арифметики, чем наоборот. Представить себе арифметику, устроенную по типу современной грамматики с ее правилами и исключениями, бездоказательными положениями и произвольными доводами, ныне невозможно, хотя вполне вероятно, что когда-то, на заре человеческой истории, арифметика и имела подобный вид. Конечно, язык — неизмеримо более сложная система, чем множество натуральных чисел, однако это не означает, что грамматике не следует стремиться к достижению уровня всеобщности и необходимости, отличающего подлинную науку.

Любопытно и следующее соотношение: говорить человек обучается гораздо раньше, чем считать, и, научившись однажды, уже не теряет способности к счету и речи (за исключением редких случаев заболевания, травм и т.п.). Далее, тот, кто хоть немного умеет считать, легко освоит законы арифметики, обнаружив, что они точно соответствуют приобретенному ранее опыту. Но не так обстоит дело с грамматикой. Умение говорить, в чем имел возможность убедиться всякий, изучавший грамматику, вовсе не дает знания грамматики, а порою создается впечатление, что даже как-то препятствует этому. Таким образом, обучающийся счету непосредственно постигает и арифметику, но обучающийся говорить отнюдь не постигает грамматики. Отсюда можно сделать следующий вывод: отношение грамматики к языку не является тождественным тому, что арифметика представляет собой по отношению к числам. И очевидно, что состояние грамматики как науки менее совершенно, чем состояние арифметики.

Так возможно ли добиться в грамматике той же строгости мысли, которая отличает дедуктивные науки? Вопрос этот не нов. Попытки построить грамматику на прочном основании разума, придать ей демонстративно-аподиктический характер известны с давних пор и достаточно многочисленны. В совокупности они образуют то, что принято называть традицией универсальной, или раци-

ональной, или философской грамматики, истории идеи которой и посвящено настоящее исследование.

Грамматика естественная и искусственная

Языком обыкновенно называют систему знаков, предназначенную для обозначения каких-либо вещей или знаков. В наше время принято различать языки естественные и искусственные. Под первыми подразумеваются, главным образом, национальные языки, а область, обозначаемая этими языками, предельно широка, практически это может быть все что угодно. Искусственные языки отличаются от естественных прежде всего умышленностью своего создания, а кроме того, они предназначены для обозначения более узких предметных областей. Простейшим примером искусственного языка является система сигналов светофора: «стой», «двигайся», «погоди»; к более сложным искусственным языкам относятся языки, специально конструируемые для выражения различных формальных систем — логических, математических, языки программирования. Таковы, например, алгебраическая символика, язык логики высказываний или язык логики предикатов¹. Промежуточное место занимают искусственные языки, созданные по образцу естественных, как, например, офеня, эсперанто, волапук и им подобные. Однако по своему назначению эти языки полностью соответствуют естественным, а по строению являются фактически смесью элементов отдельных национальных языков.

Как принято считать, всякий естественный, или национальный, язык представляет собой, во-первых, набор слов и, во-вторых, совокупность правил, при помощи которых обращаются с этими словами: создают их, изменяют и соединяют. Такие правила и составляют, собственно говоря, то, что обычно называют грамматикой. Ра-

¹Все же языками в собственном смысле являются, конечно, только национальные языки. Именование всех прочих знаковых систем «языками» — всего лишь дань традиции. На деле такая широкая трактовка понятия «язык» ведет к размыванию его границ; к примеру, всякая система команд, предназначенных, например, для управления пишущей машинкой или пылесосом, также может быть охарактеризована как особый «язык», что не вполне корректно, т. к. любой такой язык строится все равно на основе естественного, но не наоборот. Ни один формальный язык не может вполне выполнять всех функций естественного, но лишь малую их часть, для которой он и предназначен.

зумеется, и словарь, и грамматика находятся в тесной связи, взаимно определяя друг друга, так что словарь как целое есть результат действия грамматических закономерностей, а последние также, в свою очередь, зависят от формы используемых слов. Так что разделение этих вещей применительно к естественному языку есть, конечно же, абстракция, но абстракция привычная и, пожалуй, необходимая. Итак, грамматика в указанном смысле представляет собой набор определенных правил обращения со словами.

Эти правила используются обыкновенно неосознанно: человек, изучая язык, воспринимает и совокупность правил, присущих этому языку. Такой набор правил можно назвать *естественной* грамматикой. Но какие-то правила осмысляются и получают, в свою очередь, словесную форму. Эти правила излагаются затем в учебниках, научных трудах и формулируются учеными, специально занятыми исследованием языка. Это — *искусственная* грамматика, или грамматика ученых. (Понятно, что разделение грамматики на естественную и искусственную возможно только для естественных языков — в языках искусственных и грамматика может быть только искусственной.)

Таким образом, естественная грамматика воспринимается (но не осознается) человеком без посредства специалистов и в результате личного общения²; искусственная же грамматика — это грамматика, которая создается учеными и которой учат в школе; как правило, восприятие искусственной грамматики нуждается в определенном посреднике — учебнике, книге. Каково соотношение этих видов грамматики? Очевидно, что они неждественны.

Хорошо известно, что ни один человек, изучавший иностранный язык по книгам, без живого общения, не сможет им пользоваться с той же степенью легкости, что и носитель этого языка, а возможно, и вообще он будет понимать и будет понимаем с большим трудом. Впрочем, причин для несоответствия грамматики естественной и искусственной довольно много. Первая основана на обычае и подражании, вторая пытается представить некие аргументы для разума, заставляя понимать и осознавать то, что в первом случае происходит неосознанно. Таким образом, искусственная грамматика — это рефлексивная грамматика.

²Следует заметить, что это лучший способ выучить иностранный язык, а в отношении родного — единственный.

Кроме того, живой язык, несомненно, богаче своими формами и оборотами, чем язык, представленный в учебнике. Не говоря уже о диалектах и прочих особенностях живого языка: фактически, *каждый* человек пользуется языком по-своему, только ему одному свойственным образом³. Соответственно, естественная грамматика в предельном случае распадается на столько разновидностей, сколько существует и существовало людей, говорящих на этом языке. Если бы имелась возможность тщательнейшим образом записывать за каким-либо определенным человеком все, что он говорит и пишет на протяжении своей жизни, то тогда, вероятно, можно было бы составить грамматику языка этого конкретного человека. И только в этом случае, как кажется, естественная грамматика совпала бы с искусственной. Однако и эта возможность представляется неосуществимой, и не потому, что нельзя записывать за каким-либо человеком все, что он говорит и пишет, — это несложно себе представить, а потому, что не может существовать такого идеального ученого, который взялся бы за выполнение этой задачи, не будучи обременен какими-либо уже существующими теоретическими предпосылками. С другой же стороны, если у нашего ученого не будет никаких теоретических предпосылок, то он тем более не способен к выполнению возложенной задачи. Выхода из этого круга, как видим, нет⁴.

Однако естественная грамматика — это не только грамматика каждого отдельного человека, но и всех людей, говорящих на одном языке, иначе не существовало бы такого феномена, как понимание. Так может быть, искусственная грамматика соответствует этой общей естественной грамматике? Но здесь мы сталкиваемся с обратной стороной вышерассмотренной проблемы. Дело в том, что общая естественная грамматика по своему определению должна быть одна для всех говорящих на каком-либо языке людей, а вот искусственных грамматик всегда много — фактически столько же, сколько ученых, и, разумеется, полного соответствия между ними нет.

Впрочем, можно допустить, что среди множества искусствен-

³Исключение здесь составляют журналисты, сочинители сценариев для фильмов и проч., но лишь по отношению к своей профессиональной деятельности.

⁴Впрочем, эта проблема актуальна не только для грамматики, но и для всех эмпирических наук.

ных грамматик существует все-таки одна-единственная верная грамматика, соответствующая естественной, хотя и в этом случае мы все же не будем знать, какая именно, и, следовательно, такое знание будет для нас бесполезным. Но вернее всего будет допустить, что такой грамматики все-таки не существует, хотя бы по той причине, что естественный язык постоянно находится в движении, а любая искусственная грамматика есть всегда нечто определенное и законченное. Допущение того, что какая-то искусственная грамматика все-таки попадает в плоскость временного среза развития языка и полностью его описывает, опять-таки приведет нас к предыдущему заключению — мы не сможем знать, какая. Но в действительности такого не может быть, и вот почему: всякая искусственная грамматика — это прежде всего рационально (или квазирационально) организованная структура, и всякая искусственная грамматика по прошествии некоторого количества лет опровергается (редко в целом, чаще в деталях) рациональными же доводами последующих грамматик. Еще одно отличие грамматики естественной от искусственной связано с тем, что первая изменяется непрерывно, а вторая — дискретно.

Кроме того, всякий создатель искусственной грамматики сам освоил язык, конечно же, традиционным способом; соответственно, элементы естественной грамматики неосознанно присутствуют во всякой речи, в том числе и в искусственной грамматике, которая, таким образом, строится всегда на основе естественной. Это обстоятельство не позволяет ученому совершенно дистанцироваться от естественной грамматики при построении теории — а такое условие необходимо, если исследование претендует на объективность.

Различаются эти грамматики и по своему происхождению: естественная возникает сразу с языком, искусственная же — только с возникновением письменности. Большим заблуждением является мнение, будто грамматика учит правильно говорить, ибо говорить всякий человек прекрасно может без посредства искусственной грамматики, и до возникновения письменности потребности в подобной науке не возникало. Грамматика как наука возникает лишь с появлением письменности, и только письменность как вторичная знаковая система позволяет, до некоторой степени, взглянуть на исследуемые феномены языка со стороны; поэтому искусственная грамматика — это, прежде всего, грамматика письменного языка.

Возникновение письменности дало в свое время толчок разви-

тию многих наук, связанных со знаками. Помимо различных исследований речи сюда относятся математика, астрономия, история, география. Но особое место в этом ряду заняла грамматика, первоначально трактуемая просто как искусство письма и чтения. Мы привычно пользуемся для обозначения этого искусства греческим словом «грамматика», но очевидно, что подобные грамматики были у всех народов, создавших свою письменную традицию. Эта грамматика, первая в истории, еще не была, конечно же, учением о правилах словоупотребления, но, тем не менее, она составила необходимую основу для возникновения такого учения в последующем.

Итак, если естественная грамматика является грамматикой живой разговорной речи, то грамматика искусственная — это, прежде всего, грамматика письменной речи. Именно это обстоятельство и составляет основание отмеченного выше несоответствия между знанием языка и знанием грамматики.

Нормативная и универсальная грамматика

Первые грамматики, созданные человечеством, ставили перед собой весьма скромные задачи, а именно, превращение письменных знаков в звуковые и превращение звуковых в письменные, что, надо сказать, и по сей день составляет ядро этой науки. Именно с этого и начинается всякое обучение, и в то же время это ядро есть наиболее случайная и произвольная часть грамматики, определяемая только традицией.

Действительно, нет никаких разумных оснований для того, чтобы, например, звук *a* обозначать буквой «а», а звук *б* — буквой «б», и если бы изначально мы обозначали звук *a* буквой «б», а звук *б* буквой «а», то это ничего бы не изменило в характере грамматической науки. Эта произвольность делает возможными различного рода вмешательства в грамматику, вначале достаточно беспорядочные, а во времена устойчивого оформления традиции инициированные, как правило, государством. Таковы, к примеру, известные реформы русского правописания, осуществленные Петром I и В. Лениным. Очевидно, что подобное вмешательство немыслимо в науках, имеющих прочный теоретический фундамент, будь то физика, математика или астрономия.

Со временем ядро грамматики обросло разного рода дополне-

ниями и нововведениями: появилось учение о разделении частей речи и об их свойствах, о порядке сочетания частей речи в предложении, возникли различные правила и определения. Однако принципы построения грамматической науки существенно не изменились — в значительной степени все нововведения были так же произвольны и бездоказательны, как и первоначальное ядро. Такая традиция грамматики, хорошо знакомая по школьным учебникам, получила наименование *нормативной*. Это название указывает на то, что одной из целей грамматик подобного рода является установление *нормы* правописания и произношения.

Введение таких норм или образцов обыкновенно не объясняется доводами разума, но основывается, прежде всего, на традиции, обычае. В этом плане такие грамматики вполне можно было бы называть традиционными или обычными, что даже ближе к существу дела, поскольку традиция и традиция в этих грамматиках все же играют большую роль, нежели норма, ведь сама норма определяется именно традицией. Итак, основным отличием этого класса грамматик можно назвать их случайно-произвольный характер, что в плане обучения характеризуется обращением прежде всего к памяти, а не к разуму.

Попытки избавиться от случайного и представить грамматику в виде единой связной теории и создали то, что получило название *универсальной грамматики*. Если нормативная грамматика апеллирует прежде всего к обычаю словоупотребления, к традиционным его формам, то универсальная грамматика, напротив, ориентирована в первую очередь на основания разума. Нормативно-традиционная грамматика вводит свои определения и правила без обоснования; универсальная грамматика пытается выводить свои правила и определения из некоторых начал. Традиционная грамматика предписывает то или иное словоупотребление; универсальная грамматика старается его объяснить.

Итак, интересующая нас грамматика носит название *универсальной* или *всеобщей*. Это означает, что она применима ко всем языкам или, по крайней мере, претендует на то, чтобы быть таковой. Название это, надо сказать, имеет свои исторические корни и, в принципе, не вполне отражает своеобразие этого типа грамматики, ибо всеобщность этой грамматики является лишь следствием построения ее на рациональных основаниях. Но благодаря своей всеобщности универсальная грамматика относится к грамматикам

нормативным как род к виду; все национальные грамматики оказываются как бы видами универсальной, сохраняя ее как основу.

Кроме того, эта грамматика называется зачастую *философской*. Это означает, во-первых, что такая грамматика всегда строится на основе некоторых общефилософских предпосылок, а во-вторых, что она относится к другим грамматикам так же, как философия относится к другим наукам. Также универсальная грамматика может быть определена как экспликация философии на область языкознания. Однако универсальная грамматика не совпадает с тем направлением философского знания, которое получило название *философии языка*, хотя связь между ними, конечно, существует. Более корректно будет назвать универсальную грамматику *логикой языка*, как это принято у немцев, поскольку ее задача — исследование внутренней структуры языка, его логики; последнее наименование, кроме всего прочего, удачно подчеркивает связь универсальной грамматики с логикой, а эта связь, как будет показано далее, носит необходимый характер.

Универсальную грамматику также называют *спекулятивной* и *рациональной*. Спекулятивной, т. е. теоретической, — чтобы подчеркнуть ее отличие от грамматик эмпирических, основанных на наблюдении и не составляющих строгой системы. Рациональной же ее называют потому, что она старается всюду, для всех грамматических явлений, предоставлять рациональные, т. е. разумные, основания и объяснения. Универсальная грамматика, помимо всего прочего, представляет некую модель или образец для построения всех прочих грамматик, она оказывается как бы идеей грамматики, поэтому ее называют также *чистой* грамматикой⁵.

Все эти свойства и сопряженные с ними названия получают свое воплощение в относительно единой традиции, которая и называется универсальной грамматикой. Действительно, универсализм предполагает наличие некоторых общих философских оснований, обнаруживаемых в языке, следовательно, универсальная грамматика будет всегда и грамматикой философской. Будучи же граммати-

⁵Практически все вышеперечисленные эпитеты могут рассматриваться как синонимы, и то, что в название данной работы вынесено слово «универсальная», есть лишь следствие большей популярности данного термина; с тем же основанием можно было бы говорить об истории идеи рациональной грамматики, или истории идеи философской грамматики и т. д.

кой философской, наша грамматика будет непременно и спекулятивной, и рациональной, т. е., с одной стороны, будет представлять строгую систему взаимосвязанных положений, а с другой — будет основана исключительно на аргументах разума. Всякая же подлинно спекулятивная и универсальная грамматика будет, несомненно, *чистой* грамматикой именно в силу особенностей своего построения.

Следует предположить, что подобно тому, как мы разделили всю грамматику на естественную и искусственную, делится и универсальная грамматика. Тогда искусственными универсальными грамматиками следует назвать те известные нам учения, которые претендуют на этот статус, а естественной универсальной грамматикой — всеобщую и необходимую грамматическую основу всех национальных языков.

Однако вопрос о том, существует ли универсальная естественная грамматика, так и остается вопросом⁶. Вероятно, возможность перевода с одного языка на другой позволяет нам предположить наличие подобной общей грамматики. С другой стороны, эта возможность вполне может основываться не на внутреннем единстве языков, а на собственном единстве окружающего нас мира⁷. Не случайно трудности перевода возникают именно там, где речь идет о различных гражданских установлениях, не имеющих соответствия в природе. Предложения же, описывающие природу, в большей степени поддаются адекватному переводу. Несомненно, впрочем, что существуют универсальные искусственные грамматики, т. е. грамматики, сформулированные учеными. Рассмотрению именно этих «ученых» универсальных грамматик, последовательность которых составляет историю развития идеи универсальной грамматики, и посвящено настоящее исследование. Каково же их отношение к гипотетической универсальной естественной грамматике — этот вопрос остается практически за рамками данной работы.

⁶Попытки эмпирическим путем обнаружить универсальную основу всех языков, наиболее известной из которых является Стэнфордский проект языковых универсалий (1967–1976), так и не привели к созданию связной единой теории, хотя, конечно, исследователями было получено много интересных результатов. См.: *Universals of Human Language*. 4 vols. / Ed. by J. H. Greenberg. Stanford, 1978.

⁷См., напр.: *Comrie B. Translatability and Language Universals // Universals of Language*. Belgian Journal of Linguistics. N 4, 1989. Pp. 53–67.

Идея универсальной грамматики

Ниже речь пойдет об истории *идеи* универсальной грамматики. В каком смысле употребляется здесь слово «идея»? Ныне оно достаточно многозначно и многообразно толкуемо, в противовес позиции знаменитых картезианцев, полагавших, что «слово “идея” принадлежит к числу тех, которые настолько ясны, что их нельзя разъяснить с помощью других слов, потому что не существует слов более ясных и более простых»⁸. Не вдаваясь в более глубокие и пространные изыскания различных вариантов и истории употребления этого слова, отметим, что значение, в котором оно здесь используется, пожалуй, ближе всего к обычному разговорному, где идеей называется объект мысли, обладающий некоторой степенью общности и иногда заключающий в себе побуждение к какому-либо действию. Идея такого рода существенно отличается от платоновских идей. Прежде всего, она не вечна, когда-то ее не было, поэтому такие идеи имеют свою историю; можно также сказать, что употребление слова «идея» здесь в общем соответствует традиции, в которой говорят об идеях в истории мысли⁹.

Идея универсальной грамматики является, надо сказать, идеей высокой степени общности, она стоит в ряду таких идей, как идея всеобщего учения о природе, всеобщего учения о человеке, и близка к идеям чистой математики и чистого естествознания, описанных Кантом¹⁰. Исследование и развитие подобного рода идей составляет, как известно, предмет философской науки. В этом смысле идея универсальной грамматики включена в раздел философского знания, ищущего объяснения феноменам языковой реальности. В разные времена и у разных исследователей эта область философии носила разные названия; она известна

⁸ Арно А., Николь П. Логика Пор-Рояля. М., 1991. С. 32.

⁹ Таковы, к примеру, «Идея истории» Р. Дж. Коллингвуда, «Приключения идей» А. Н. Уайтхеда; из недавних работ: *Визгин В. П.* Идея множественности миров. М., 1988.

¹⁰ Если пользоваться кантовской терминологией, то наша идея ближе всего к идее *архитектонической*: «Во всех науках, особенно же в рациональных, идея науки есть общий план или очерк, следовательно — объем всех относящихся к науке знаний. Такая идея целого — первое, что нужно видеть и искать в науке, — является архитектурной, как, например, идея науки о праве» (Логика. Общее учение об элементах. § 3. Цит. по: *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980. С. 396–397).

нам как диалектика, логика, философия языка, семантика, семиотика.

Если же говорить об идее универсальной грамматики в платоновском смысле, то таковой может оказаться лишь идея *естественной* универсальной грамматики, необходимо присущей всякому языку как таковому. Такого рода идея фактически совпадает с идеей языка вообще и, соответственно, не имеет истории: различные языки оказываются лишь более или менее удачными слепками или воплощениями этой идеи. История такой идеи невозможна, поскольку сама она остается неподвижной, возможна лишь история языков, воплощающих эту идею, что составляет предмет особого исследования. У нас же здесь речь пойдет об истории идеи универсальной грамматики в первом смысле — т. е. как об истории идеи *искусственной* универсальной грамматики, или универсальной грамматики ученых. Отношение ее к идее *естественной* универсальной грамматики аналогично отношению истории физических учений к реальному устройству физического мира.

Пожалуй, может возникнуть вопрос: а не является ли слово «идея» вообще избыточным в нашем изложении? Не проще ли было бы говорить просто об истории универсальной грамматики, под которой, таким образом, следовало бы понимать единственно универсальную грамматику ученых, поскольку естественная универсальная грамматика, очевидно, не может иметь никакой истории именно в силу своего универсализма. Тогда и вовсе не понадобилось бы входить в рассуждения о разных типах идей и о всем том, что с ними связано.

Однако, как нам представляется, история идеи универсальной грамматики и история универсальной грамматики есть вещи все же разные, хотя и взаимосвязанные. Различие их обусловлено прежде всего различием собственно идеи универсальной грамматики и конкретных универсальных грамматик. Существование грамматик определяется существованием идеи, но сама идея может существовать и без реальных воплощений, примеров чему в истории мысли достаточно. Так, скажем, у Локка есть идея семиотики как общей науки о знаках, отчетливо им обозначенная в конце «Опыта о человеческом разуме», но нет самой семиотики.

Помимо этого исследование истории идеи позволяет сосредоточиться на вопросах, имеющих отношение только к самой идее, безотносительно к вариантам ее развития, и не останавливаться на

многих деталях и частностях, т. е. на всем том, что обыкновенно составляет значительную часть всякого основательного исторического сочинения. Возможно, когда-нибудь появится подобная «история универсальной грамматики», подробная и совершенная, но задача настоящего исследования существенно иная. В первую очередь нас интересует сама мысль в ее развитии, поэтому история идеи, конечно, более обезличена по сравнению с просто историей. В идеальном варианте история идеи должна быть и вовсе безликой, ведь кто именно, когда именно и что в нее привнес — есть вопрос второстепенный по сравнению с тем, что именно, вслед за чем и перед чем было сделано.

Выделяя этапы этой истории, отметим, что всякая идея, как, впрочем, и все существующее, имеет свое *основание*, составляющее возможность ее осуществления. Если говорить об основании идеи универсальной грамматики, то, на наш взгляд, оно включает в себе два начала. Во-первых, должны существовать несколько грамматик, построенных на разных принципах, или даже хотя бы одна грамматика, построенная на разных принципах. Во-вторых, должно наличествовать представление о систематичном характере научного знания, принципах рациональности и доказательности, отличающих теоретическую науку. Объединение этих компонентов и создает, собственно говоря, возможность для появления идеи универсальной грамматики. Следующим этапом истории идеи является ее *утверждение* на готовом основании. Помимо перечисленного для утверждения идеи требуется сознание ее необходимости, вырабатываемое общим развитием научной мысли. Кроме того, разумется, утверждение идеи нуждается в непосредственной движущей причине — уме, сводящем воедино оба начала основания. Наконец, заключительным этапом следует назвать *развитие* идеи, которое и выражается в построении соответствующей универсальной грамматики.

В третьем томе русского издания сочинений Г. В. Лейбница есть небольшая заметка, озаглавленная «История идеи универсальной характеристики»¹¹, где речь идет о том, как именно Лейбницу пришла на ум счастливая мысль — создать универсальное исчисление понятий, которое, кстати говоря, также является своеобразным ва-

¹¹Название дано редактором тома Г. Г. Майоровым.

риантом универсальной грамматики¹². Предлагаемая читателю работа является попыткой некоторым образом развить указанное исследование, с той разницей, что нас будет интересовать, как вообще возникла идея универсальной грамматики, что с ней было до того, как она появилась у Лейбница. Иными словами, настоящая работа есть исследование предыстории упомянутой «Истории» Лейбница.

В Приложении помещен русский перевод одного из наиболее замечательных образцов спекулятивной грамматики — трактата Фомы Эрфуртского. Перевод выполнен по последнему изданию трактата, подготовленному Дж. Л. Берсилл-Холлом¹³, которое, в свою очередь, основывается на издании М. Гарсии¹⁴. В текст, опубликованный Дж. Л. Берсилл-Холлом, внесены некоторые изменения: восстановлен оригинальный порядок глав и учтены замечания Я. Пинборга¹⁵. При работе над этим переводом неоценимую помощь нам оказал Т. В. Антонов — специалист, неизмеримо более сведущий в древних языках, нежели пишущий эти строки. Адептам более современных философских учений будет интересно узнать, что публикуемый трактат Фомы Эрфуртского — это та самая книга, с исследования которой начал свой трудный философский путь М. Хайдеггер¹⁶, принимая, впрочем, ее за сочинение Дунса Скотта.

¹²Термины «характеристика», «грамматика» и «семиотика», употребляемые в общем смысле, являются синонимами.

¹³*Thomas of Erfurt. Grammatica Speculativa / An edition with translation and commentary by G. L. Bursill-Hall. London, 1972.*

¹⁴*Joannis Duns Scoti Doctoris subtilis O.F.M. Grammaticae speculativae nova edition / Cura et studio P. Fr. Mariani Fernandes Garcia ejusdem ordinis. Ad Claras Aquas. Quaracchi, 1902.*

¹⁵*Pinborg J. Review on «Thomas of Erfurt...» // Lingua. International Review of General Linguistics. Vol. 34, №4, 1974. P. 369–373.*

¹⁶*Heidegger M. Die Kategorien- und Bedeutungslehre des Duns Scotus. Tübingen, 1916.*